

Из-за моря-то, моря, братцы, синего,
А из-за синего моря из-за Карского,
Из-за Карского моря, Арапского
А приходило три черненных три-то корабля,
А в тих-то кораблях пришло поганое Идолище
Как ко ласковому князю ко Владимиру.
Он пришел ведь к нему сватом свататься
На любимые всё его племянницы,
Как на душечке все Марфы Дмитриевны.
Говорил-то он да таковы речи:
«Уж вы гой еси, мои да три татарина,
Уж вы молодые мои всё корабельщички!
Вы подите-ка ко городу ко Киеву,
А ко ласкову-ту князю ко Владимиру,
А как сватайтесь на его любимой на племяннице,
Чтобы с чести он отдал за меня, с радости,
А без драки ведь да кроволития.
А расскажите про меня, про Идолища:
А как руки мои по трех сажон,
А как тулово мое – как сильной бугор,
Голова моя – да как пивной котел,
Глаза-ти у меня – да как пивны чаши.
А как придете ко князю ко Владимиру,
А да станете вы да свататься,
А как будет просить сроку на три годика, -
Не давайте-ка сроку на три годика;

А как будет просить да на три месяца, -
Не давайте сроку на три месяца;
Будет просить да на два месяца, -
Не давайте ему сроку на два месяца;
А как станет просить на три неделечки, -
Не давайте ему на три неделечки;
А как станет просить на три суточки, -
А бессрочного времени на свете нет».

А приходят три-то корабельщичка
Ко князю ко Владимиру да в светлы светлицы,
А не кстят они лица поганого,
Не молятся да чудным образам,
Как бьют они челом Владимиру,
А князьям, боярам не бьют челом, не кланяются:
«Уж ты здравствуй-ка, Владимир стольнокиевский!» –
«Уж вы здравствуйте, дородны добры молодцы,
А да три-то младых вас да корабельщичков!
А ведь разве пришли вы торговать товарами да
разноличныма?

Вы торгуйте у меня безданно и беспошлинно».

Говорят тут три татарина:

«Не товарами пошли торговать да разноличныма,
Мы пришли к тебе да сватом свататься
На твоею на любимой на племяннице
За того же за поганого Идолища.
Ты отдай за него да с чести, с радости,

А без драки отдай да кроволитныя.
А ты с чести не отдашь, – мы боём возьмем.
Руки, ноги у Идолища по трех сажон,
А как тулово его – как сильной бугор,
Голова его – да как пивной котел». -
«Уж вы гой еси, млады три да корабельщички!
Уж вы дайте мне-ка сроку на три годика подумати». -
«Не даим-то мы те сроку на три годика,
Не даим-то мы те сроку на два годика,
Не даим тебе сроку на единый год,
Не даим тебе сроку и на три месяца,
Не даим тебе сроку на три неделечки». -
«Ах, отдайте мне-ка сроку на три суточки!»
Говорят тут три татарина да три мурина:
«А бессрочного, братцы, времени на свете нет».
А давали князю сроку на три суточки.
А да как пошли они на черны корабли,
Да приходят они на черны корабли,
Говорит поганое Идолище:
«Уж вы гой еси, мои млады да корабельщички!
А я дам ему-то сроку на три месяца».
А во ту пору, во то время
Собирал-то Владимир-князь почесен пир
А на князей своих, на бояр же.
А как вси на пиру сидят, пьют, едят да проклажаются.
Говорил-то Владимир таковы слова:

«Как ведь вси да князья, бояра!
А пришло ко мне-ка свататься поганое Идолище
На любимой-то моей племяннице,
Как на душечке на Марфы всё да Дмитриевны.
Заступите-ка за ней, за мою племянницу».

А как говорили князья, бояра:
«Мы не будем губить народу православного
За твою ту родную племянницу,
А не будем проливать крови по-напрасному».

Как пошел-то Владимир-князь да со честна пиру,
А повесил буйну голову с могучих плеч,
Он пошел прямо к Марфы Дмитриевны в светлу светлицу.

А как увидала Марфа Дмитриевна –
Как идет ее-то дядюшка не по-старому да не
по-прежнему,
Не по-прежнему да не по-досельному, -
А да как спрашала Марфа Дмитриевна:
«Еще что же ты, дядюшка Владимир-князь,
А придешь ты ко мне не по-старому, не по-прежнему,
Ты повесил буйну голову с могучих плеч?» -
«Уж ты гой еси, моя родна любимая племянница!
А как подошло туто поганое Идолище,
А как сватайтся на тебе, всё на Марфы Дмитриевны,
А как сам он говорил да таковы речи:
Еще с чести не отдам, дак «мы боём возьмем».

Как его-то руки, ноги – по трех сажон,

А ведь тулово – как сильной бугор,
Голова его – да как пивной котел,
Очи ясны у него – да как пивны чаши,
А как нос его – как палка дровокольная».

Говорит тут Марфа Дмитриевна:
«Уж ты гой еси, дядюшка мой родимыя!

Не губи народу по-напрасному,
А не проливай крови горячую,
А отдавай меня да с чести, с радости,
Без драки отдай да кроволитныя.

А только дай придано – три черных три корабля:

А первой-от корабель грузи ты зеленым вином,
А второй-от корабль нагрузи да пивом хмельным же,
А третей-от корабль нагрузи да медом сладким же.
Провожатых дай моих братьев крестовых, все названных
же:

А первого-то брата дай Добрынюшку Микитича,
А второго-то брата дай Михайлушка Игнатьева,
А третьего брата Олешеньку Поповича».

А как дават ей князь три черных корабля,
Нагружат напитками разнообразныма.

Повелась у князя тут ведь свадьба же.

Посылали звать Добрынюшку с Михайлушком–
душой-то красных девицей,

А пошли они-то звать к Марфы Дмитриевны на девью
плачь.

Они ходят зовут да красных девицей,
А зовут они молодых-то вдов,
А зовут-то они жен ведь мужния:
«Уж вы милости просим, души красны девицы,
К Марфы Дмитревны на девью плачь!
Вас зазвала-то Марфа Дмитревна на девью плачь».
А как тут скоро сбирались красны девицы,
А как белые лебедушки на заводи слетались.
А как не бела тут на заводи, бела лебедь воскикала,
А как слезно Марфа Дмитревна восплакала.
Тут заплакали да слезно красны девицы,
А да тут пуще заплакали по ней молоды вдовы,
Еще пуще тут заплачут жены мужние.
А да как отплакали тут да красны девицы,
А пошла у Владимира свадьба навеселе.
Как пришел-то тут поганое Идолище,
А садился он за столы да белодубовы,
За питья, за ествы сахарные.
А как ест он, татарин, по-звериному,
А как пьет-то он да по-скотиному.
А как пили, ели, напивались,
А пошли они, повели Марфушку на черны корабли.
А как провожают ей народ да православныя,
Провожают ей да слезно плачутся.
А как приходила Марфушка на свой чернен корабль,
А заходит она в каюту корабельную,

А при ею тут Добрынюшка Микитич млад.
Потянула поветерь тиха способная,
А пошли тут корабли да во сине море,
Во сине море да во свое село.
А как русская земля да потаилася,
Как поганая земля да заменилася.
А как по Божьей-то былобелыц по милости,
По Марфушкиной было участи, -
А как пала тут ведь тиха тишина,
Не несет-то никуда да черных кораблей.
А как выходила из каюты все ведь
Марфа Дмитриевна на палубу,
А сама она ведь говорит да таковы речи:
«Уж ты гой еси, да брат крестовыя!
Постарайся-ка ты изобелыц всих же,
Подорожи моей да буйной головой,
А кричи поганому Идолищу во всю голову,
А чтобы он стянулся всима корабли да во одно место;
Уж вы пойте-ка татаровей всих допьяна,
А я сама пойду поить поганого Идолища».
А да как закричал Добрыня громким голосом:
«Уж ты гой еси, поганое Идолище!
А зовет тебя Марфа-то Дмитриевна стягаться
да черныма корабли:
Она хочет сделать пир на радости,
Что своя земля да потаилася,

А как ваша земля да сременилася».
Как услышал тут поганое Идолище,
А весьма он сделал весьма радостен,
Приказал он во едно место связатися.
Повела ли тут Марфа Дмитревна поганого Идолища
В свою каюту корабельную,
А садила его на стул на ременчат же,
А садила за те ествы за сахарные,
Она стала наливать-то чары зелена вина,
А как стала наливать да чары пива хмельного,
На закуску, на запивку меду сладкого.
А как начал тут
Идолище пить, есть да без опасности.
А он пьет-то вино досуха,
Запиват да пивом хмельным,
Закусыват да медом сладким.
Вдостали зашаталася его да буйна голова,
А валила его на кроваточку тесовую,
На мягку перину на пуховую.
Захватил-то он Марфу в охапочку,
А как заспал он сном да богатырским,
А со сна на ней накинул руку правую,
А накинул на ней да ногу правую,
А да чуть под ним жива лежит,
Душа в теле полуднует.
Закричала она громким голосом:

«Уж ты гой еси, ты брат мой крестовыя!
А сойми с меня руку Идолища,
А скинь с меня ногу поганого».
Прибежал Добрынюшка в каюту корабельную,
А как сметыват с ней праву руку,
А как скидыват он с ней все леву ногу.
Как соскакивала Марфа с кроваточки,
А выскакивала она на палубу ту корабельную.
Как хватил Добрыня востру саблю же,
А отсек Идолищу да буйну голову.
Заскакало тут поганое Идолище.
А как он присек его ведь намелко,
А сметали его да во сине море,
Как рубили татаровой да до единого.
Потянула им-то поветерь да все способная
А да как ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю-ту ко Владимиру.
Как приходят они в красен Киев-град,
Услыхал тут всё Владимир-князь да со княгинею,
Как стречали со всего города со Киева,
А как собиралися народа православные.
Тут пошел у князя пир навеселе, на радости.